

Хаккарайнен Суло Александрович

Хаккарайнен Суло Александрович, 1905 г. р., уроженец г. Сестрорецк Лен. обл., финн, б. член ВКП(б), ст. помощник начальника 1-го отделения Сестрорецкого погранотряда, проживал: п. Александровка Парголово р-на Лен. обл. Арестован 22 октября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12 января 1938 г. приговорен по ст. ст. 58-6-10 ч. 1 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 18 января 1938 г.

СУЛО АЛЕКСАНДРОВИЧ ХАККАРАЙНЕН

Детский дом в пяти километрах от города Рассказово почему-то назывался «Круча», хотя стоял на ровной поляне в лесу. Лес окружал старое двухэтажное здание, где жили теперь дети, родители которых умерли, погибли на фронте или, как у меня, были почему-то по ночам арестованы, а нас стали называть детьми «врагов народа». Мы не делились друг с другом своими воспоминаниями, но многие, конечно, вспоминали обыски, которые проводили в домах чужие грубые люди. После арестов и обысков во многих семьях появились письма со страшными в своей безысходности словами «сослан на десять лет без права переписки». Такие дети были и в детдоме № 8, где я воспитывалась с 1946 года. Хотя я пишу со слов мамы, но мне кажется, что я помню, как мама смотрела на такое письмо и горько плакала. А уж она-то такое не могла забыть.

Она не забудет никогда те страшные дни и ночи тридцать седьмого года. Мы жили тогда в Реболах, в Карелии. Папа всегда был весёлым, любил играть с нами, детьми, занимался спортом, любил лыжные прогулки и езду верхом на коне. Он был пограничником, его недавно повысили в звании. Он стал называться старшим политруком, а в петлице вместо треугольников у него появился блестящий красный прямоугольник – «шпала».

Как-то раз, возвратившись со службы, папа сел за стол и впервые в жизни заплакал: «Меня сегодня исключили из партии и уволили со службы. Я так и не понял, за что...». В комнате стало тихо. Взрослые понимали, что теперь нужно ждать ареста. Быстро собрались и уехали в Тарховку под Ленинград. Там в низеньком домике около станции жила бабушка Эдла, папина мама. До армии папа был токарем и с этой станции уезжал на работу в Сестрорецк, имея в кармане сезонный билет. Приехав в Тарховку, все стали ждать стука в дверь... И хоть все были полны горького ожидания, ночь спустилась на Тарховку внезапно. Никто не спал. В два часа ночи постучали. Мама открыла дверь, мимо неё с наганом в руке прошёл незнакомый военный, а за ним с винтовками несколько красноармейцев (так называли раньше солдат Красной армии). Папе приказали сесть на стул посреди комнаты, а рядом встал солдат с винтовкой. Начался обыск... Что они искали? Подняли с кроватей нас, детей, и бабушку. Разорвали много наших семейных фотографий. Особенно мне запомнилась большая фотография, на которой впервые собралась почти вся наша большая дружная семья.

Мама, смотря на беспорядок, окруживший нас, растерянно и даже раздраженно говорила: «Ничего не ищите. Ничего недозволенного у нас нет». Книг и журналов у нас было много. Один из проводивших обыск показал маме журнал с фотографией Тухачевского и тихо посоветовал бросить журнал в печку. Папа пытался изобразить улыбку, но на бледном лице

видны были лишь его горько-удивлённые глаза. «Это недоразумение... Это недоразумение...», — только твердил он. (Видимо, в уме он перебирал свои действия за последние дни, и вспомнил, что несколько дней назад он поздоровался со своим дядей, который проходил мимо него, приехав вроде бы в те дни из Финляндии. Так как больше за собой он ничего не помнил.) Наконец его грубо подняли, подтолкнули в спину и увели. Мне в то время было 5 лет, для нас, двоих старших детей, — шестилетней Эли и меня — детство на этом закончилось... Только маленькая, недавно родившаяся Тамара, как будто чувствуя что-то, горько плакала. Но мама к ней не подходила. Мама прижалась мокрой от слёз щекой к калитке и смотрела во тьму на дорогу, по которой, как оказалось, навсегда удалялась от неё счастливая жизнь. Маме было только 30 лет.

Через некоторое время, после многих хождений в поисках правды о вине мужа, маме посоветовали отречься от него, чтобы у её троих детей осталась хотя бы мать. Мама замерла. Отказаться от горячо любимого человека, с которым прожила десять незабываемых лет?! Отречение она всё же написала...

Из Военного трибунала Московского военного округа в 1958 г. писали моему дяде, что Хаккарайнен Суло Александрович, 1905 г. р., уроженец г. Сестрорецка Ленинградской области, финн, гражданин СССР, член КПСС с 1925 г., исключён в 1937 г. за «связь с врагами народа», до ареста старший помощник нач. штаба 1-го погранотряда НКВД СССР, был необоснованно расстрелян по постановлению Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 12 января 1938 г.

Мама рассказывала, что «связь с врагами народа» — тот единственный разговор на улице при встрече с дядей финном, якобы приехавшим из Финляндии.

Жизнь прошла нелегко. Но как-то мы выжили. Прошлого не вернешь. И всё же простой народ жил, одержал победу в такой войне. Мы наивно думали, что детям будет легче... («Жизнь вообще не легка. Ничего не даётся нам просто, но не надо считать, что ребятам полегче идти. Им ещё предстоит на житейских крутых перекрёстках выбирать для себя эти трудные наши пути».) Я была воспитанницей детского дома № 8 г. Тамбова и благодарна Богу и людям, помогавшим мне выжить и получить образование, стать учительницей английского языка. Сейчас я на пенсии.

Кроме моего отца Хаккарайнена Суло Александровича, в нашей семье были репрессированы и, как видно, расстреляны:

Гампф Годфрид-Гуго, место и дата рождения: г. Турку, 12 июля 1904 г. Арестован в Карелии. Расстрелян в 1938 г. Его дочь Чаблина Майре Годфридовна живёт в г. Кеми.

Хирсивара Якко. Его дочь живет в Петрозаводске.

Георг-Вальтер-Гуго Гампф арестован в Тамбове в 1941 г., где-то в тюрьме в Пензе умер или...

Во время войны из-за очень плохого зрения на трудфронт был взят Гампф Ральф Гугович, мамин брат. И там, где-то на Урале, вроде бы был то ли расстрелян, то ли просто погиб. Но что-то в Карелии встречали его имя. Может, выжил?

Я посылаю фотографию мамы с папой и, может, не очень профессиональные стихи. Я не стыжусь, я просто писала, о чём думала.

Скажите правду об отце, хотя б в конце
Такого трудного пути. Ведь ложь нести
Всем тяжело, и всё больней для нас, детей.
Так нужно эту правду знать. Согнулась мать.
Как можно ей нести свой крест?
Взгляну окрест,
Уже мы взрослые давно. И не в кино,
А наяву всё меркнет вновь.
Забыта кровь
И тех, кто в дальнем пал краю, и кто в бою.
Видать, никто, даже в конце
Не скажет правду об отце.
Ведь столько лет пыталась мать
Всё про себя переживать.
Теперь же можно всё сказать
Нам про отца.
О том, как он наивен был
И честно Родине служил,
Но по навету подлеца
Расстрелян был.
А был бы сам он подлецом,
Мы б жили вместе, и с отцом.
Но он не мог стать подлецом.
Мы фотокарточку храним,
Где мать счастливая и с ним.
И неизвестно было им,
Каков итог.
Жестокий рок!

*Виола Суловна Рыбакова,
п. Десна Козелецкого р-на Черниговской обл.*

Суло Александрович Хаккарайнен расстрелян в Ленинграде 18 января 1938 г. по так называемому Списку финских шпионов № 11. В предписании на расстрел значится 79-м из 96 приговорённых к высшей мере наказания и расстрелянных. Все помянуты в данном томе «Ленинградского мартиролога».

Агроном Готфрид Гугович Гампф расстрелян 16 февраля 1938 г. в окрестностях Петрозаводска. Лесоруб Яков (Якко) Захарович Хирсиваара расстрелян в урочище Сандармох под Медвежьегорском 10 февраля 1938 г. Их имена внесены в книгу «Поминальные списки Карелии, 1937–1938» (Петрозаводск, 2002). – *Ред.*